

Мейснер Альфред

Черно-желтое знамя

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А59

А59 **Альфред М.**
Черно-желтое знамя / Мейснер Альфред – М.: Книга по Требованию, 2025. – 364 с.

ISBN 978-5-519-96066-3

ISBN 978-5-519-96066-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сеггъ, лѣтомъ 1850 года, опять показался въ своемъ зѣмкѣ. Но даже и графъ сдѣлался другимъ съ 1847 года, когда онъ въ послѣдній разъ находился въ Красницкомъ зѣмкѣ. И его перемѣнила революція. Вырвавъ его изъ утонченнаго эстетическаго эпикуреизма, она наполнила сердце этого изящнаго, остроумнаго дипломата меттерниховской школы горечью и жестокостью. Утомившись государственными дѣлами, въ которыхъ онъ принималъ участіе въ теченіе 25-ти лѣтъ, онъ принялъ, при началѣ великой политической катастрофы, почетную должность, чтобъ поддержать разваливающееся зданіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ и самому опять подняться. Заснувшая энергія графа опять пробудилась и превратилась въ неукротимую, пожирающую дѣятельность. Впродолженіе двухъ лѣтъ онъ исполнялъ различныя важныя порученія во всѣхъ европейскихъ столицахъ, не зная отдыха ни днемъ, ни ночью, не переводя духа. Только теперь, когда полный порядокъ возстановился, графъ позволилъ себѣ вакацію, потому что текущіе вопросы — какъ, напримѣръ, кургессенскій, голштинскій и о прусскомъ единствѣ, — были второстепеннаго свойства и могли быть разрѣшены обмѣномъ нотъ, съ присоединеніемъ театральнаго похода. При всемъ томъ, графъ не считалъ дѣло реставраціи оконченнымъ и не убаюкивалъ себя сладостными иллюзіями; напротивъ, онъ былъ убѣжденъ, что хотя основаніемъ государства всегда будетъ и останется сила, но все-таки его нельзя долго поддерживать одними остріями шпагъ и штыковъ, а только посредствомъ медленной, послѣдовательной, дипломатической кампаніи внутри государства противъ броженія умовъ, можно упрочить порядокъ и безопасность въ государствѣ. Съ одной стороны — полный разрывъ съ исторіей, съ другой — совершенный разрывъ съ новыми доктринами, которыя готовили страшный ядъ для старо-монархической государственной жизни — вотъ въ чемъ должны были состоять основаніе и необходимое условіе новаго государственнаго зданія, — вотъ что должно было укрѣпить и возродить поколебавшуюся силу единодержавія.

Это была смѣлая антиреволюціонная программа, которую можно съ полнымъ основаніемъ назвать системой послѣднихъ 12-ти лѣтъ и которая, съ изумительною и достойною сожалѣнія послѣдовательностью, доведена была до послѣднихъ границъ возможнаго. Съ такою системой откровенно соглашались всѣ, кто принималъ участіе въ составленіи программы, только въ отношеніи средствъ приведенія ея въ исполненіе существовали двѣ различныя партіи. Одна изъ нихъ была военная, хотя въ числѣ военныхъ находились духовенство и горожане; военною ее должно назвать потому, что она выступала съ боевой осанкой и въ гроз-

номъ вооруженіи. Другая партія могла быть названа дипломатическою, хотя считала въ своихъ рядахъ также военныхъ и духовныхъ лицъ. Первая требовала открытаго господства силы, немедленнаго искорененія новыхъ идей и насильственнаго возврата къ старому, набожному, религіозному времени. Вторая, прикрывшись современнымъ костюмомъ, при громѣ либеральныхъ фразъ, хотѣла давить свободный духъ тихо и медленно, но непрерывно, до тѣхъ поръ, пока сила его не была бы совсѣмъ уничтожена.

Графъ Тибольдсеггъ, разумѣется, принадлежалъ, сообразно своему воспитанію и самой натурѣ, къ дипломатическому направленію, которое такъ искусно ладило съ военнымъ. Человѣкъ, который принималъ участіе въ такомъ гигантскомъ планѣ и работалъ самымъ дѣятельнымъ образомъ, долженъ былъ, безъ сомнѣнія, даже въ лѣтнемъ своемъ мѣстопробываніи, погружаться въ тяжелыя заботы и только въ незначительной мѣрѣ позволять себѣ увлекаться прелестями сельской жизни. Но онъ не былъ обремененъ здѣсь непрерывными занятіями и, сравнительно, все-таки отдыхалъ, развлекался обществомъ гостей, то и дѣло наѣзжавшихъ въ замокъ.

Графъ рано овдовѣлъ. Жена оставила ему единственную дочь, на которой онъ теперь сосредоточилъ всю любовь и нѣжность, какая была въ его сердцѣ. Корнелія, какъ по своей красотѣ, такъ и по умственнымъ дарованіямъ, оправдывала гордость отца. Мало того, что она была хороша и граціозна, въ ней было что-то ясное и доброе, что-то обаятельное, такъ что разъ встрѣтивъ ее, нельзя было забыть.

Въ одно прекрасное августовское утро, графъ (чрезвычайно любившій видѣть у себя родственниковъ и знакомыхъ) находился, въ ожиданіи гостей, въ маленькой, прилегающей къ замку, роцѣ.

Послѣ завтрака графъ лежалъ, удобно раскинувшись на садовой кушеткѣ; лицо его было сильно озабочено, глаза задумчиво обращены въ землю. Чтеніе газетъ, разбросанныхъ подлѣ него на столу и по землѣ, казалось, прогнало всякое идиллическое настроеніе духа и навело на серьезныя мысли.

Это былъ пятидесятилѣтній, высокій ростомъ, худощавый мужчина. Его густые, курчавые волосы совершенно побѣлѣли, лобъ былъ въ морщинахъ. Всѣ черты его лица были правильны, глаза большіе, темные, имѣли странно-спокойное выраженіе. Въ нихъ видна была привычка къ размышленію и наблюденію; а узкія, плотно сжатые губы показывали умѣнье говорить и молчать въ время. Блѣдное, нѣсколько морщинистое лицо графа казалось юношескимъ, чему способствовало заботливое истребленіе бороды. Такая наружность, въ соединеніи съ природною любезностью

графа, должна была, по всѣмъ предположеніямъ, всюду вносить веселье, и, однакожь; говоря вообще, это было не такъ. При самомъ дружескомъ обращеніи и при всемъ разположеніи къ шутливости, въ графѣ видна была недовѣрчивая скрытность, которая, показавшись на мгновеніе, сейчасъ же исчезала за веселымъ смѣхомъ, и когда ее считали уже совсѣмъ уничтоженной, она внезапно опять проявлялась въ какомъ-нибудь случайно-брошенномъ взглядѣ. Виною въ этомъ были, безъ сомнѣнія, время и опытность, а также и самый родъ занятій дипломата, потому что когда графъ, въ качествѣ молодаго *attaché*, участвовалъ въ веронскомъ конгрессѣ, то былъ извѣстнымъ любимцемъ дамъ, которыхъ плѣнял своимъ легкомысліемъ и откровенностью; тогда, какъ теперь, даже люди къ нему благосклонны, знавшіе его въ прежнее время, обыкновенно говорили стороною, что въ глазахъ у него есть что-то лживое. Его врожденная любезность охладѣла и замѣтна была еще только въ гладкости вѣжливыхъ манеръ и въ общепринятыхъ свѣтскихъ формахъ; чувство проглядывало только тогда, когда дѣло шло о дочери; тогда испепеленное сердце дипломата было еще въ состояніи вспыхивать яркимъ пламенемъ.

Противъ графа сидѣла его сестра, графиня Софія; она держала на колѣняхъ стараго шпица Лару, машинально играла какимъ-то руководѣлемъ, а глаза ея съ подозрительною внимательностью были обращены на раскрытую передъ ней книгу. Это была церковная исторія, строго католическаго характера. Графиня Софія была худощавая и нервная 42-лѣтняя женщина, съ умной, но строгой и холодной фізіономіей, съ поблекшей наружностью; только остались живы черные, пронизательные глаза. Ея красота, исчезнувшая теперь до послѣдняго слѣда, не могла завоевать ей мужа; несмотря на огромное состояніе графини, она была еще дѣвица. Злые языки утверждали, впрочемъ, что она, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, завязала самыя тѣсныя сношенія съ майоромъ фонъ-Голубива и служила настоящимъ золотымъ источникомъ для постоянно нуждавшагося въ деньгахъ рыцаря; вѣрно было то, что со времени смерти майора въ Венгріи она погрузилась въ уныніе, вслѣдствіе котораго ея прежняя религіозность превратилась въ набожную ревность фанатической ханжи.

Видно было, какъ вдала Корнелія со своей компаньонкой и подругой Гассенфельдъ, плыла въ красивомъ челнокѣ по голубому зеркальному пруду къ тихо колебавшемуся камышу. Веселая пѣсня ихъ едва была слышна издали и не могла нарушить ни размышленій графа, ни серьезнаго чтеніе благочестивой тетки.

— Гдѣ остается такъ долго г-жа Валльгофъ? спросилъ вдругъ графъ.

Сестра, повидимому досадуя на перерывъ ея чтенія, заставила его нѣсколько времени подождать отвѣта, а между тѣмъ приближила книгу къ себѣ, какъ бы давая тѣмъ понять, что она, будучи чрезвычайно заинтересована чтеніемъ, должна дочитать, по крайней мѣрѣ, начатую статью; наконецъ, она очень сухо отвѣчала:

— Гдѣ сидитъ Вальгофъ? Гдѣ она можетъ сидѣть? Конечно, наряжается. Она живетъ только для нарядовъ и туалета. Женщина въ ея лѣта — уже бабушка...

Графиня подняла глаза къ небу, какъ бы жалуясь на такое мірское безуміе.

— Ты должна быть къ ней снисходительнѣе, возразилъ графъ. — Она женщина добрая и такъ невинно-комична въ своихъ маленькихъ слабостяхъ. Я каждый разъ бываю радъ ея посѣщенію.

— Для меня она невыносима, возразила графиня. — Такая вѣтреность и страсть къ удовольствіямъ, соединенная съ недостатками логики, постоянно выводятъ меня изъ себя. Ты смѣешься, когда она болтаетъ глупости, громоздитъ одно противорѣчіе на другое и въ концѣ рѣчи говоритъ противоположное тому, что утверждала въ началѣ, — но у меня это затрогиваетъ всѣ нервы; со стыдомъ должна я признаться, что подобное созданіе возможно только среди нашего пола!

— Ты очень набожна, любезная сестра, сказалъ графъ: — но что касается до обладанія христіанскою кротостью...

— Христіанская кротость, возразила графиня: — не состоитъ въ уступчивости, въ робкой поблажкѣ слабостямъ, происходящимъ отъ мірской суетности; она заключается въ любящей снисходительности къ тѣмъ, которые находятся уже на пути къ пониманію своей порочности... Но развѣ можно этого надѣяться относительно Вальгофъ?

Она была въ полномъ расположеніи продолжать въ томъ же родѣ, но въ эту минуту на луговой равнинѣ показалась г-жа Вальгофъ, похожая на корабль, плывущій по вѣтру на всѣхъ парусахъ. Дородная ея фигура дышала здоровьемъ, добродушіе и веселость виднѣлись въ ея смѣющихся глазахъ и открытомъ лицѣ. Вѣроятно, она была очень хороша собою, пока не разрослась непомѣрно въ ширину. Она была вдова дипломата, близкаго друга графа, и посѣщала каждое лѣто замокъ Красницъ (если только графъ тамъ жилъ) дней на четырнадцать, какъ было при жизни ея супруга, хотя послѣдній уже лѣтъ 10 назадъ умеръ.

Подойдя, г-жа фонъ-Вальгофъ бросилась на желѣзное канапе.

— Не могу выразить, вскричала она своимъ обычнымъ болтливымъ, веселымъ тономъ: — какъ я счастлива, что опять нахожусь въ моемъ любезномъ Красницѣ! Боже мой, вотъ уже одно, два, три

лѣта прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ сидѣла на этомъ мѣстѣ! Мнѣ хорошо вездѣ, но у Тибольдсегга мнѣ лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь!

— Не знаю, будете ли вы, мой другъ, говорить то же самое черезъ три дня, сказалъ графъ. — Вы любите большой свѣтъ, а Красницъ деревня. Боюсь, что вы очень скоро начнете скучать!

— Боже мой, отчего скучать? спросила баронесса. — Развѣ у Тибольдсегговъ скучаютъ? Развѣ у Тибольдсегговъ кто-нибудь скучалъ? Развѣ возможно скучать у Тибольдсегговъ? Развѣ нѣтъ здѣсь васъ, графъ, васъ, моя милая Софія, и моей несравненной Корнеліи? Развѣ не явится сюда нашъ любезный Грейфенштейнъ? Когда вы его ждете?

— Сегодня или завтра утромъ, отвѣчалъ графъ. — Онъ, вѣроятно, придетъ сюда вмѣстѣ съ эскадрономъ, который будетъ квартировать въ Красницѣ.

— Кавалерія? Гусары? Свѣтло-голубые Аттилы? вскричала баронесса. — Они здѣсь! Они тоже придутъ! Я буду смотрѣть съ балкона, какъ станетъ двигаться вся эта процессія. Прекрасные, воинственные, настоящіе сыны Марса! и интересный ротмистръ, конечно, съ нимъ? Онъ, навѣрное, сейчасъ къ вамъ явится?

— Баронесса, вскричала графиня Софія: — этотъ огонь, это волненіе, съ которымъ вы говорите о сынахъ Марса и ихъ интересномъ предводителѣ, право, чрезвычайно комичны! Въ ваши лѣта...

— Отчего же, спросила баронесса: — я не могу волноваться? Да, я взволнована! Наступаетъ минута, когда я опять буду говорить съ офицерами! Какія подробности я услышу объ ужасныхъ войнахъ! Сколько людей, которыхъ мы знали, положили жизнь за тронъ! Сколько еще положить! Ахъ, ужасна судьба солдата, который долженъ отправляться на войну! Его назначеніе должно бы быть другое, болѣе благородное...

— Но, милая Валльгофъ, замѣтила графиня: — какое же другое разумное назначеніе могъ бы имѣть солдатъ? Развѣ онъ долженъ существовать только для того, чтобъ показывать въ залахъ блестящій мундиръ? Жестокая необходимость...

— *Bien, bien, vous êtes philosophe!* сказала баронесса. — Я говорю только, что война, — это что-то ужасное, чудовищное; при видѣ каждаго солдата должно бы ощущать ужасъ, и мнѣ непонятно, почему этого не бываетъ. Ахъ, эти войны! Сколько у одной меня потеряно знакомыхъ! Этотъ бѣдный Голубина! Въ послѣдній разъ онъ сидѣлъ съ нами за этимъ столомъ! Такъ былъ полонъ жизни! Мнѣ искренно жаль его!

Графиня Софія замѣтно вздрогнула при намекѣ на ея возлюб-

ленного, но подавила гнетущее дѣйствіе этого воспоминанія и возразила:

— Кто падаетъ за великое, благородное дѣло, тотъ, милая Валльгофъ, стоитъ выше обыкновеннаго сожалѣнія.

Баронесса, слыша, что ея сожалѣніе называли *обыкновеннымъ*, потеряла терпѣніе и сказала довольно спокойно, хотя отваживалась въ эту минуту на сильный ударъ:

— Не всѣ люди могутъ возвыситься до такого взгляда. Вотъ на примѣръ, бѣдная Роттау! Никто ее не упрекнетъ, если она съ меньшимъ героизмомъ переноситъ потерю майора.

— Какъ такъ? спросила нетерпѣливо графиня, не зная, къ чему это клонится, между тѣмъ какъ графъ, по наружности безучастный, тайнѣ забавлялся этой женской перестрѣлкой.

— Ну! отвѣчала баронесса: — вы еще спрашиваете? Извѣстно вѣдь, что въ послѣднее время майоръ сошелся очень близко съ фонъ-Роттау?

— Гнусная выдумка! вскричала графиня Софія, въ которой заговорила ревность. — Вамъ не слѣдовало бы быть такою легковѣрною, любезная Валльгофъ, особенно когда подобныя басни вредятъ репутаціи нашихъ друзей.

— Вредятъ? возразила баронесса. — Майоръ былъ холостъ и свободенъ; фонъ-Роттау, вдова, женщина въ полномъ цвѣтѣ жизни, одна изъ тѣхъ женщинъ, въ которыхъ можно влюбиться, безъ всякихъ соображеній и расчетовъ...

Графиня задрожала отъ ярости. Рукодѣлье задвигалось въ ея рукахъ. Очевидно, загорѣлась бы война, еслибы въ эту минуту не явился новый посѣтитель.

Это былъ начальникъ округа, баронъ Целестинъ фонъ-Раккъ.

Баронъ фонъ-Раккъ еще издали дѣлалъ самые низкіе поклоны.

По своему происхожденію, баронъ принадлежалъ къ той области, которая какъ бы имѣетъ привилегію поставлять великой австрійской имперіи чиновниковъ, въ особенности же полицейскихъ; онъ былъ богемецъ, какъ показываетъ и самое его имя. Это былъ человекъ лѣтъ 50, очень длинный и тощій. Изъ его голубыхъ глазъ проглядывалъ умъ, но такой, который почти исключительно направленъ на мрачныя стороны человѣческой натуры и неутомимо слѣдитъ вокругъ, чтобъ отыскать и покарать преступленія и проступки. Взгляды и движенія его были въ высшей степени безпкойны, какъ будто бы онъ постоянно долженъ былъ слѣдить и хватать преступныя личности направо и палѣво. Лишь только отъ высшихъ правительственныхъ инстанцій было объявлено, что имперія вступила въ фазисъ обновленія, онъ также счелъ своею обя-

занностью помолодѣть: онъ надѣлъ на свою лысину черныя парикъ и сталъ чернить свои сѣдые усы.

Это былъ человѣкъ замѣчательный, соединявшій въ себѣ двѣ натуры: одна дѣлала его мягкимъ, уступчивымъ и давала ему возможность по цѣлымъ часамъ выдерживать на своемъ лицѣ самую пріятную улыбку и придавать своему грубому голосу мелодическій лстивый звукъ, другая же дѣлала его суровымъ, безжалостнымъ, дикимъ, грубымъ, почти палачомъ. Та или другая сторона этой оригинальной, двойственной натуры проявлялись, смотря по тому, имѣлъ ли дѣло начальникъ округа съ человѣкомъ могущественнымъ и вліятельнымъ или съ безпомощнымъ и незначительнымъ.

— Чтò поваго, любезный Раккъ? встрѣтила его баронесса.—Войско уже расположено по квартирамъ?

— Вашъ покорнѣйшій слуга! говорилъ Раккъ очень почти-тельно.

— Садитесь! дружески сказалъ ему графъ.

— Глубочайше благодарю, отвѣчалъ фонъ-Раккъ, приближаясь къ графу. — Я только на минуту отлучился изъ своего бюро, чтобъ наискорѣйшимъ образомъ доставить вашему превосходительству газеты.

Онъ вытащилъ изъ своей шляпы пакетъ.

— О, вы очень милы, любезный Раккъ! возразилъ графъ, взявъ газеты. — На будущее время я этого не допущу.

— Впрочемъ, мнѣ не удастся, сказалъ фонъ-Раккъ, расплываясь въ любезности: — удачно выказать вашему превосходительству все мое усердіе. Я просмотрѣлъ пакетъ съ газетами и не могъ удержаться...

— Есть-ли что-нибудь новое? спросилъ графъ, бросая бѣглый взглядъ на журналъ.

— Пражскія газеты сообщаютъ рядъ достовѣрныхъ, правдивыхъ дознаній военныхъ слѣдственныхъ комисій въ Градчинѣ; вѣнскія содержатъ инструкціи новымъ политическимъ начальникамъ, цѣлый потокъ указовъ...

— Такъ, такъ! проворчалъ графъ.

— Но истинѣ должно удивляться этой творческой силѣ правительства! Мѣропріятія, на которыя другія правительства должны бы были положить десятки, если не сотни лѣтъ, здѣсь совершаются въ нѣсколько мѣсяцевъ! Новая политическая организація прививается съ такимъ изумительнымъ успѣхомъ...

— Я только боюсь, замѣтилъ графъ: — что мы такимъ образомъ получимъ цѣлый потокъ законовъ, которые, не имѣя цѣлью одной общей реформы, увеличатъ лишь существующую уже гряду узаконеній и ихъ путаницу.

— Я, съ своей стороны, вполнѣ полагаюсь на истинно-организаторскій духъ нашего министерства, воскликнулъ начальникъ округа. — Онъ проявляется, по моему мнѣнію, яснѣе съ каждымъ днемъ. Вашему превосходительству должно быть пріятно слышать, что у насъ однимъ дурнымъ журнальнымъ листкомъ сдѣлалось менѣе — гадкимъ ультра-демократическимъ листкомъ, подъ названіемъ «Дунайское Царство».

— Онъ только приостановленъ. Я читалъ извѣстіе объ этомъ.

— Приостановленъ или запрещенъ,—это одно и то же! сказалъ фонъ-Раккъ, заливаясь искреннимъ, веселымъ, выливающимся изъ глубины души смѣхомъ. — Приостановка даетъ возможность сильно-занятому редактору сдѣлать теперь путешествіе въ видѣ отдыха во время вакацій. Онъ родомъ изъ Красница и находится со вчерашняго дня здѣсь.

— Это вѣдь докторъ Шмей? сказалъ графъ. — Что это за человѣкъ? Вы его знаете?

— Конечно, знаю! Я его сейчасъ же призвалъ къ себѣ въ округъ, — чрезвычайно, чрезвычайно непріятная личность! Правдо, онъ производитъ совершенно комическое впечатлѣніе, когда видишь его передъ собой и вспоминаешь надутыя тирады о свободѣ и величественное волненіе въ его статьяхъ! Маленькій, уступчивый, вѣжливый человѣчекъ, который до тѣхъ поръ только старается казаться величественнымъ, пока не увидитъ проникательнаго взора и не услышитъ отрывистой фразы. Я былъ предувѣдомленъ о его пріѣздѣ и сейчасъ же послалъ за нимъ; однакожъ, простите, ваше превосходительство, что я такъ много распространяюсь о такомъ неинтересномъ предметѣ, о павшемъ величій, такъ сказать...

— Оставляя въ сторону его политическое направленіе, возразилъ графъ: — я замѣтилъ, однакожъ, изъ его газеты, что этотъ человѣкъ довольно практическій и обладающій замѣчательнымъ инстинктомъ опредѣлять положеніе даннаго времени.

— Ваше превосходительство считаете его опаснымъ? вскричалъ фонъ-Раккъ съ живостью.

— Этого нельзя сказать, возразилъ графъ хладнокровно. — Обстоятельства не таковы.

Онъ всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ, погруженный въ размышленія и сопровождаемый зоркимъ глазомъ фонъ-Ракка.

— Не изъ евреевъ этотъ Шмей? спросила графиня Софія.

— Несомнѣнно восточнаго происхожденія! вскричалъ фонъ-Раккъ, быстро оборачиваясь.

Въ эту минуту онъ замѣтилъ, что Корнелія со своей компаньонкой причалила къ самому берегу, но густой тростникъ мѣшалъ

имъ выйти на берегъ. Сдѣлавъ нѣсколько совершенно юношескихъ прыжковъ, онъ очутился около нихъ и помогъ вытащить на берегъ челнокъ. Эта вѣжливая поспѣшность, очень удивившая обѣихъ дамъ, испугала и стараго лѣниваго шпица — злое, сердитое животное, спавшее на колѣняхъ графини. Съ громкимъ лаемъ онъ бросился за Раккомъ, и пока этотъ послѣдній вѣжливо служиваль, разорвалъ ему зубами панталоны.

Первымъ невольнымъ движеніемъ Ракка было дать шпицу яростный ударъ ногою, но, встрѣтивъ взоръ графини, фонъ-Раккъ удовольствовался отеческимъ, мягкимъ замѣчаніемъ.

— Ну, Лара, Лара, сказалъ онъ, обращаясь къ собакамъ: — ты мнѣ слишкомъ ясно напоминаешь, что я сегодня забылъ принести тебѣ сухарикъ!

Шпицъ съ угрожающимъ видомъ посмотрѣлъ ему въ лицо.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

ВЪ КОТОРОЙ ДѢЙСТВІЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ВЪ МЕНѢ ЗНАТНОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

На освѣщенномъ мѣстѣ лѣспятаго склона, уходящаго въ высоты, на которой стоитъ графскій замокъ, въ Красницкую долину, видно много низкихъ сѣрыхъ хижинъ, тѣснящихся между довольно большими скалами и полускрытыхъ ольхой и ясенемъ. Стѣны ихъ, грубо сплоченныя изъ цѣлыхъ древесныхъ стволовъ, непрерывно дрожатъ съ самаго основанія до кровли отъ тяжелыхъ ударовъ молотка, и глухой, размѣренный шумъ этихъ ударовъ слышенъ далеко. Тутъ же, въ сторонѣ, стоитъ одноэтажный, выкрашенный бѣлою краскою домъ сельской архитектуры, передъ которымъ, на солнечной сторонѣ, разведены плодовые деревья и виноградныя лозы. Здѣсь живетъ Ааронъ Шеппкесъ — простой, но очень богатый и очень трудолюбивый человѣкъ, владѣющій въ Красницѣ желѣзнымъ заводомъ.

Ааронъ Шеппкесъ — еврей, но такой, который уже значительно уклонился отъ особенностей своего національнаго типа. Еврея напоминаетъ въ немъ, кромѣ фizioноміи, только униженность, съ которою онъ встрѣчаетъ людей высокопоставленныхъ, чрезвычайный страхъ предъ всѣмъ, что носитъ имя чиновника или солдата, и большая любовь къ деньгамъ.

Въ то самое утро, въ которое графъ Тибольдсеггъ принималъ начальника округа, барона фонъ-Ракка, два человѣка сидѣли за стаканомъ вина въ бесѣдкѣ позади завода. Одинъ изъ нихъ, лѣтъ

около 28-ми отъ роду, крѣпкій, высокій, почти атлетическаго тѣлосложенія, съ голубыми глазами и бѣлокурыми волосами, отличается суровымъ, грубымъ, но интереснымъ лицомъ. По разговору, въ немъ легко узнать жителя Вѣны. Онъ называется Филиппъ Штроппъ; братъ его — человѣкъ очень извѣстный въ столицѣ — человѣкъ, который началъ дѣла съ маленькимъ капиталомъ, занимаясь мучною торговлею, а потомъ въ короткое время, благодаря значительной поставкѣ плодовъ въ армию, сдѣлался миллионеромъ.

Другой, маленькаго роста, худощавый, съ рыжеватыми, курчавыми волосами, живыми глазами и выдавшимся впередъ подбородкомъ уже извѣстенъ намъ въ главныхъ чертахъ изъ описанія, сдѣланнаго фонъ-Раккомъ. Это докторъ Шмей, редакторъ пріостановленнаго «Дунайскаго Царства». Въ своемъ путешествіи онъ столкнулся съ Штроппомъ, котораго немного знаетъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, находится теперь въ гостяхъ у владѣльца желѣзнаго завода. Ааронъ Шепикесъ не допустилъ, чтобъ онъ оставался въ гостиницѣ, и считаетъ за величайшую честь пріютить подъ своею кровлей доктора Шмея, который на такое гостепріимство имѣетъ право въ трехъ отношеніяхъ: какъ соотечественникъ, какъ единовѣрецъ и какъ знаменитый публицистъ.

Сба-собесѣдника сидѣли въ бесѣдкѣ задумчиво, почти безмолвно. Вино, символъ веселья, казалось, не развеселило ни одного изъ нихъ. Штроппъ имѣлъ видъ человѣка, тщательно обдумывающаго ближайшій шагъ, который ему надобно сдѣлать; его глаза блуждали вдаль, гдѣ на горной покатости, полускрытой зеленью, показывалась сѣрая, какъ будто сверкающая серебромъ, крыша одного отдаленнаго строенія.

Серьезность доктора Шмея происходила отъ другихъ причинъ. Политическое направленіе событій занимало его голову. Передъ нимъ разстилалась совершенно безутѣшная будущность; ему казалось, что послѣ короткой, мимолетной удачи, ему придется кончить опять тамъ, гдѣ началъ. Онъ выросъ въ самой бѣдной обстановкѣ и долго ѣлъ горькій хлѣбъ зависимости и чужой милости. Здѣсь, въ Красницѣ, даже теперь, въ немъ поднимались горькія воспоминанія.

Тамъ, на высокую гору, которая видна вдаль, онъ еще восьмилѣтнимъ ребенкомъ, въ сильнѣйшій іюльскій жаръ, съ радостью снесъ для сосѣда мѣшокъ съ двадцатью-пятью фунтами мяса, получивъ за это три крейцера.

Это было его приготовленіе къ гимназическому курсу, который онъ прошелъ, благодаря бесплатнымъ обѣдамъ, урокамъ и маленькимъ стипендіямъ.